

Приметы времени

DOI10.25991/VRHGA.2021.21.4.014

УДК 1 (091)

В. А. Должиков^{*}

К ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ ГРАЖДАНСКОЙ НАЦИИ В РОССИИ

Статья посвящена анализу актуальной научной проблемы зарождения и развития гражданской нации в России, являющейся до настоящего времени надэтническим государством имперского типа. Цель исследования состоит в том, чтобы установить причины и факторы незавершенности процесса трансформации «титulusного» этноса страны в зрелое полноценное национально-гражданское сообщество, а также конкретные исторические развилки, на которых данный процесс был максимально близок к своему финалу. Рассматривая сложную диалектику многовекового асимметричного взаимодействия двух ведущих субъектов отечественной истории: государства и подвластного русского общества, автор использует современный методологический инструментарий. Центральное место в исследовании отводится надэтнической специфике традиционно имперских политических режимов, правящих в России с середины XVI в. и до наших дней. Именно эта характерная особенность отечественного государства повлияла на условия генезиса и эволюции русского суперэтноса решающим образом, препятствуя пробуждению в нём национального самосознания и гражданской идентичности. Для верховной власти в Империи коренной системообразующий народ по сложившейся традиции всегда был средством, а не целью государственной политики. Но при этом в исследовании подчеркивается, что время от времени все-таки возникали условия для симметричного сближения функционирующей административно-политической системы с национально-гражданскими тенденциями в развитии «титulusного» сообщества. Основным же фактором, который воспрепятствовал своевременной консолидации,

---

^{*} Должиков Вячеслав Александрович, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения России, национальных и государственно-конфессиональных отношений, Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия; e-mail: dolshikov@yandex.ru

являлась, в соответствии с выводами автора статьи, почти непрерывная внешняя экспансия, в ходе которой по вине имперских режимов народ и гражданское общество в целом стали ее главной жертвой.

Ключевые слова: Россия как империя, гражданская нация, идентичность, над-этническое государство, системный кризис.

V. A. Dolzhikov

TO THE HISTORY OF THE FORMATION OF A CIVIL NATION IN RUSSIA

The article is devoted to the analysis of the actual scientific problem of the birth and development of the Russian civil nation, which is still a supra-ethnic state of the imperial type. The purpose of the study is to establish the causes and factors of the incompleteness of the transformation of the "titular" ethnic group of the country into a mature full-fledged national-civil society, as well as specific historical forks, at which this process was as close as possible to its final. Considering the complex dialectic of the centuries-old asymmetric interaction of the two leading subjects of Russian history: the state and the subservient Russian society, the author uses advanced methodological tools. The central place in the study is given to the supra-ethnic specificity of the traditionally imperial political regimes that have been ruling in Russia since the middle of the 16th century to the present day. It is this characteristic feature of the domestic state that influenced the conditions of the genesis and evolution of the Russian super-ethnos in a decisive way, preventing the awakening of national identity and civic identity in it. For the supreme power in the Empire, the fundamental system-forming people, according to the established tradition, have always been a means, not an end, of state policy. But at the same time, the study emphasizes that the conditions for a symmetrical convergence of a functioning administrative-political system with national-civil tendencies in the development of the "title" community arose from time to time. The main factor hindering timely consolidation was, in accordance with the conclusions made by the author, the almost continuous external expansion, during which the people and civil society as a whole became the main victim of the faults made by the imperial regimes.

Keywords: Russia as an empire, a civic nation, identity, a supra-ethnic state, a systemic crisis.

Научная актуальность рассматриваемой темы обусловлена глубиной и остротой кризиса идентичности, который только усилился в стране за последние годы. При этом он имеет даже не столько системно-политическую, сколько ментально-духовную, экзистенциональную природу. По мнению А. А. Аузана, с которым автор полностью солидарен, «мы находимся в фазе парадигмального сдвига. Русской нации не было, была империя, которая ушла» [1, с. 55–56]. Действительно, и конкретный человек, и общество в целом начинают размышлять о результатах и смысле своего исторического существования лишь у «последней черты», на грани жизни и смерти.

Стоит обратиться к историческим реалиям прошлого, чтобы заметить неоднократное повторение таких ситуаций, когда русский народ был максимально близок к превращению в полноценное национально-гражданское общество. Хронологически самая первая фаза данного процесса соотносится с началом формирования Великорусского (Московского) государства в 80-х гг. XV — середине XVII вв. Этот крайне сложный и противоречивый процесс разворачивался как «сверху», по инициативе государственной власти, так и «снизу», посредством спонтанной общественной самоорганизации.

Исходной точкой самоосвобождения можно считать победу Московского княжества в борьбе за политическую независимость от центральной власти хана ордынской Державы. Однако формировавшаяся отечественная государственность обрела уже в тот момент имперские контуры, унаследованные от двух прототипов: тюркско-монгольской Орды и восточно-римской Византии. Великий князь Иван III заявил о себе впервые как о преемнике византийских императоров. Он ввел государственную символику, позаимствованную у верховных правителей Константинополя: герб в виде двуглавого орла, «скипетр» и «державу». Видоизменилось и самоназвание государства. Иван III стал именовать себя в официальных документах уже «великим князем всеа Русіи» (но еще не «России»). По оценке дореволюционного отечественного этнолога, «книжная и искусственная Русія, образовавшаяся от приращения к народной Руси греко-латинского хвостика, — несомненно, византийского происхождения...» Новая транскрипция государственного этнонима «была окончательно принята под влиянием Софьи Палеолог и сопровождавших ее ученых греков-политиканов». Прежняя — «Русь» — казалась «устарелой, слишком узкой, частной и провинциальной». Вместе со всеми этими новшествами московская власть адаптировала соответствующую духу времени прото-имперскую идеологическую матрицу. В ее основу вошла «гордая мечта о воссоздании на Москва-реке православно-византийской короны в ее вселенском значении и блеске» [8, с. 502–504].

Второй важный этап генезиса русского национального самосознания связан с политикой московской правительницы Елены Васильевны Глинской и ее сына-преемника Ивана IV (30–50-е гг. XVI в.). Так, уже в 1639 г. была проведена «губная» реформа системы местного самоуправления в России. Значительный объем полномочий передавался верховной властью выборным губным старостам из аристократического сословия «детей боярских», помощниками которых являлись «целовальники» из «лучших» крестьян-своеземцев. Это был фундамент будущей «земщины», приблизительного русского аналога системы институтов европейского «гражданского общества» [6]. Потребностям нового периода отечественной истории вполне соответствовало государство национального типа в форме земской сословно-представительной монархии. В ней начинал уже действовать принцип разделения властей на законосовещательную (общегосударственный Собор, аристократическая Дума) и властно-исполнительную ветвь. Возглавляли политическую систему опять же «земский» царь, Избранная Рада (государев Совет) и Приказы столичного центра.

На периферии страны создавалась разветвленная структура выборных органов и субъектов местного общественного самоуправления. В нее входили губные и волостные старосты, сотские и тысяцкие, градские головы и приказчики, мирские посредники, целовальники и пр. Логика возможного развития этой государственности могла, наверное, привести к укоренению в национальной «почве» базовых институтов и первичных структур будущего национально-гражданского сообщества. Дальнейший ход событий в этом направлении сделал бы необратимой постепенную эволюцию Великороссии как государства в сторону «правомерной» (конституционной) ограниченной монархии. Тем более что и в других странах Европы в XVI–XVII вв. синхронно

развертывались аналогичные процессы. Однако лишь в самом начале данной эпохи политическая система страны существовала в форме национального государства (этнократии). Вскоре она стала превращаться в надэтническую империю [3, с. 6–7] с неуклонно абсолютизируемой верховной авторитарно-патерналистской властью и полномочной бюрократией. В дальнейшем развитии страны закреплялась имперская тенденция и присущий данной системе принцип *династической ксенократии*.

Решающую роль в коренном повороте русской истории сыграл, на мой взгляд, фактор государственной экспансии. Характерно, что в те же 1550-е гг. с поразительной легкостью Великорусское (Московское) царство расширило свои границы на евразийском Востоке за счет постепенной инкорпорации распадавшейся на отдельные улусы Ордынской державы. Впервые государство стало полиэтническим (многонародным) по составу подвластного населения. После присоединения Кабарды, Ногайской Орды, Казанского ханства и Астрахани, а, в особенности, с переходом Сибири под власть русского царя, сделан был решающий шаг на пути становления великой континентальной державы. Но этим приращением территории Иван IV, увы, не ограничился. В 1558 г. он резко повернул главный вектор экспансии на «германы», т. е. в сторону Запада.

Для осуществления военной авантюры в Балтии нужна была мобилизация колоссальных сил и средств, никак не соизмеримых с наличным финансово-экономическим потенциалом страны. Притом русское земское сообщество никак не могло поддерживать агрессивную политику, не отвечающую перспективным национальным интересам. По мере того, как Ливонская война затягивалась, Иван IV приступил к ликвидации ставших помехой его новому экспансионистскому курсу институтов и структур земской монархии. Он отказался от завершения национальной политической реформы. Логика царских действий в этом направлении была своеобразной. «Гениальным для самодержца ударом, — отмечает русский исследователь начала XX в. А. А. фон Бринкман, — он расслоил свою державу на опричнину и земщину и этим в долготу веков предначертал все ее исторические судьбы». Действительно, автор цитируемой статьи прав, утверждая, что западным исследователям трудно понять как суть данного феномена, так и других узловых сюжетов истории России [4, с. 111]. В этом легко убедиться. Достаточно указать на концептуальные оценки некоторых зарубежных «русскопонимателей» — Р. Пайпса, к примеру, с его надуманной теорией вотчинного государства [10].

Специальное выделение «опричнины» — типологически обособленной подсистемы государственного управления, где все должностные лица назначаются царем-самодержцем, следует рассматривать как первую попытку верховной отечественной власти создать надэтническую империю. Об этом свидетельствовало, в частности, появление в пространном титуле, составленном лично Иваном Грозным, характерной фразы о «скипетре Российского царствия». Тем не менее «иногда, по надобности изображая себя “земским” царем, Иван IV еще называл себя государем “вся России”» [8, с. 504].

Учреждая «опричнину», фактически он инициировал контрреформу, перечеркивавшую результаты собственных позитивных преобразований 1550-х гг. и отрицавшую «земскую» идею равносубъектной симметрии русского граж-

данского общества и национального государства. Империя Иван Грозный так и не создал, опричнину вроде бы даже отменил, но страну своими действиями поставил на грань системного политического кризиса — Великой Смуты [14]. Характерно, что выдвинутая им идея государственности опричного типа обрела самостоятельную жизнь. *«Сущность опричнины как управления страной через чуждых ей и близких ко двору лиц, — управления, в котором усмотрение попечительной власти ставится выше твердых указаний закона, — разъясняет смысл политической контрреформы дореволюционный русский исследователь, — а голос народа заранее подозревается в крамоле против этой попечительной власти...»* По верной оценке А. А. фон Бринкмана, эта сущность осталась и определяет историю России вплоть до настоящего времени (курсив автора; полужирным выделено мной. — В. Д.) [4, с. 114]. Похоже, что в виде традиционной матрицы имперского института власти-собственности [2; 9] опричнина существует и в наши дни (хотя это уже другая тема, требующая специального исследования).

Особый интерес представляют 1610-е гг., когда русское земское сообщество добилось существенного, но временного, к сожалению, успеха в закреплении гораздо более перспективной тенденции. Гражданская война в России начала XVII в. (Смута), с одной стороны, завершилась, как известно, победой национально-патриотических сил, которых объединила идеология «земского народосоветия» (термин А. П. Щапова). Возглавляли движение две знаковые фигуры: «гражданин № 1» К. М. Минин и военный представитель старорусской династической фамилии Рюриковичей князь Дмитрий Пожарский. Внешне итог событий 1612–1613 гг. выглядит как символический триумф «земщины», вытесняющий из реальной политики «опричную» тенденцию. Но с другой стороны, результатами победы русского патриотического общественного движения «спасители России» воспользоваться не сумели. Верховная власть во временно утвердившейся земской представительной монархии оказалась в руках клана Романовых — выходцев из придворной группировки московских служилых бояр. Хотя надо признать, что властные полномочия новой выборной русской династии были санкционированы «волей и милостью народной» на Земском Соборе 1613 г.

Старший из Романовых, Федор Никитич — будущий высший иерарх российской Православной церкви Филарет, — рвался к вершинам государственной власти еще при выборном земском царе Борисе I (Годунове). По своему менталитету они являлись вовсе не аристократами-«земцами», а пронырливыми и энергичными царедворцами [13, с. 26, 107–108, 238].

Политический тандем первых Романовых — царя Михаила I и патриарха Филарета I — олицетворял собой, на мой взгляд, кратковременный (1613–1649) период существования великорусской национальной государственности в ее теократическом, православно-соборном варианте «двуглавой» и «двуединой» земской монархии.

Однако за период правления сменившего их на престоле царя Алексея Михайловича Романова (вторая половина XVII в.) верховной властью стала разрушаться неустойчивая симметрия земской общественно-государственной системы. Самодержавная династия, опираясь на служилое дворянство, стано-

вилась все более авторитарной. Ее независимость росла за счет подавления тех социальных групп, которые составляли органическую базу великорусской «земщины»: боярской родовой *аристократии* (от древнегреч. *aristos* — лучший), горожан посадских общин и «беломестных» слобод, «черносошных» крестьянских волостей, казачьей «вольницы» и т. п.

Натиск государства на традиционные права гражданского общества — земства вызвал ответные антиправительственные протестные движения (городские бунты, староверческий «раскол», «разинщину», «хованщину» и др.). Неслучайно период с 1650-х по 1690-е гг. зафиксирован отечественной историографией как «бунташное время». В этот же момент резко выросла политическая роль дворянской служилой бюрократии — главной опоры московского «центра» [5, с. 190–192]. Формировалась политическая система, где не было уже места для выборной самоуправляемой «земщины».

Такому асимметричному перевороту во взаимоотношениях государства и общества способствовал внешний, геополитический фактор. Имеется в виду включение в состав страны двух восточнославянских областей — Левобережной приднепровской Украины (Малорусии) и Литовской Украины (Беларуси). Начиная с 1654 г. Алексей Михайлович Романов стал именовать себя «Божиею милостью великим государем, царем и великим князем Великия и Малыя (позднее и «Белыя») России» [8, с. 503]. Перед его правительством объективно возникла проблема унификации структуры государственного управления старыми и вновь присоединенными землями. Вместе с тем нарастало субъективное желание московской власти привести всю систему административных учреждений к тотальному единообразию. Снова Россия на исторической развилке, перед выбором: быть или не быть ей государством надэтническим и унитарным?

В годы кратковременного, но по-своему результативного правления царя Федора Алексеевича Романова (1676–1682) продолжилось становление надэтнического государства. При этом царе был полностью ликвидирован институт выборных губных старост, функции которых передавались воеводам, назначаемым из Москвы. В конце 1670-х — начале 1680-х гг. на окраинах и в центре страны были созданы укрупненные военные округа — «разряды», положившие начало повсеместной милитаризации государственного управления. Все эти меры стали прологом коренных структурных преобразований политической системы в России начала XVIII в.

Непрерывные внутренние конфликты и внешние войны, которые вела Россия с Речью Посполитой (1654–1667), Швецией (1656–1658), Турцией и Крымским ханством (1676–1681), обусловили дальнейший рост критической массы дворянского служилого сословия. Происходила его консолидация, сопровождавшаяся притоком дворян из периферии на московскую военную и чиновную службу. Рыхлая структура прежнего территориально-поместного ополчения заменялась полками «нового строя», ставшими основой для будущей постоянной армии. В результате возникла достаточно мощная вооруженная сила, представители которой больше всех были заинтересованы в независимом от общества бюрократическом самодержавии: служилое дворянство, пополнявшее, в частности, слой растущей приказной бюрократии, которая по целому ряду причин пре-

жде всего была заинтересована в имперской трансформации. Она и заполнила должностные ниши, которые освобождались в результате ликвидации выборных институтов земского общественного самоуправления [5, с. 190–191].

Поистине роковым для судьбы русской гражданской нации стало правление Петра I. Своей крепостнической, милитаристской и экспансионистской политикой он ликвидировал остатки выборных институтов общенационального и регионального народного представительства. Земская монархия была полностью демонтирована и уничтожена. Верховная власть загубила, морально сломила или вытеснила на задворки страны лучшие социальные силы русского общества. Идентифицируя политический статус Петра I, многие исследователи по недоразумению именуют его «русским царем». Гораздо ближе к истине характеристика, оставленная одной из обыкновенных крестьянок в допросном деле государственной политической полиции — Преображенского приказа. «Какой он царь? Он крестьян разорил с домами, мужей наших побрал в солдаты, а нас с детьми осиротил и заставил плакать век... — продолжала и под пытками настаивать на своей правоте современница первого российского императора, — Мироед! Весь мир переел; на него кутилку, перевода нет, только переводит добрые головы» (цит. по: [12, с. 11]).

Да, именно от «титульного» русского народа сопровождавшаяся беспрерывными, затяжными войнами государственная экспансия потребовала непосильных людских жертв. «Государство пухло, — пронизательно замечает В. О. Ключевский, — народ хирел» (см.: [7]). Все стороны обыденной жизни страны были подчинены сугубо государственным, а не национально-гражданским (общественным) интересам.

В XVIII и XIX вв. Российская империя сформировалась в ходе поэтапной интеграции разнородных территориально-этнических образований. Многие из них смогли позднее реально стать самостоятельными нациями (Армения, Азербайджан, Грузия, Польша, Финляндия, Эстония и др.). Но консолидация собственно русского национального сообщества так и не состоялась. Этому важному процессу помешало многовековое «собрание» имперского колосса.

По замыслу архитекторов коммунистической «дружбы народов», сменивших у кормила власти предшественников, русскому народу в гигантской пирамиде, именуемой «СССР», отводилась роль своеобразного цементирующего раствора. Все другие этносы и народности бывшей Российской империи должны были стать несущими конструкциями этого сооружения. Грандиозный политический эксперимент, как выясняется теперь, не удался. Оно и понятно: «насильно мил не будешь!». Да, но если блоки рассыпавшейся коммунистической империи оказались пригодными для строительства на ее руинах новых национальных государств, то судьба скреплявшего все здание «цемента» — великого русского народа — оказалась по меньшей мере проблематичной. А все потому, что главный субъект всесоюзной стройки был только средством, но не целью самого процесса. Последовательно в течение столетия пережив трагедию распада созданных при его же участии двух империй, он и пострадал больше других соседских народов.

Надэтнический характер традиционно имперского гено типа отечественного государства остается до сих пор неизменным. «Хотели как лучше, — про-

говорился в свое время один из бывших российских премьер-министров, — а получилось как всегда». В этой выразительной оговорке заключена суть проблемы «демократического транзита» России. На нее давно уже обращают внимание «известные и авторитетные аналитики нашей сегодняшней социально-политической жизни» [11, с. 13]. В потенции современная российская государственность остается по существу своему все той же империей. Во-первых, об этом свидетельствует реставрация «вертикали власти». Характерным для нее признаком является системное тяготение к традиционному имперскому процедуре авторитарного назначения должностных лиц системы центрального и регионального государственного управления «сверху вниз» (а не демократической выборности «снизу вверх», как, например, в федерациях). Фасадный камуфляж — не новинка для отечественной власти. Под внешне федералистской аббревиатурой «СССР» тоже ведь пряталось имперское государство с поистине безграничными экспансионистскими устремлениями.

Во-вторых, все четче проявляется типологическое «преемство» современной российской государственности с ее двумя предшественницами по порядку выдвижения и замещения субъекта персонифицированной верховной власти. «Она главное действующее лицо исторического процесса, — отмечал Ю. С. Пивоваров, — в ходе которого лишь меняет свои наименования — царь, император, генсек, президент. Важно также подчеркнуть, что эта Власть всегда *персонифицирована*, т. е. *обязательно* предполагает *определенного* носителя (в отличие от Запада, где власть отделена от правителя и не является его *личной* прерогативой)» (курсив автора. — Ю. П.) [11, с. 16].

Де-факто в современной России возобновлен имперский принцип, вводившийся Петром I, который разрушал традицию династического престолонаследия (по мужской прямой и нисходящей линии). «Институт выборов, — по мнению исследователя, — вот что могло отправить этот принцип в небытие. Но в реальной жизни этот институт был подменен произволом наследничества, «назначением» президента-наследника» [11, с. 21]. По существу, в России сформировалась квазимонархия. Отличительная ее черта — это институциональное ограничение полномочий персонифицированной президентской власти не конституцией, не правом и не парламентом, а своеобразным «коллективным самодержавием» чиновной номенклатуры, рассредоточенной по этажам и уровням классической для нашей страны (вспомним меткое определение великого сатирика М. Е. Салтыкова-Щедрина) бюрократической «пирамиды».

В реально существующей донныне политической системе самореализация идеи национального государства априори вряд ли возможна без жесткого прессинга «снизу» со стороны вполне сформировавшейся национально-гражданской общности. Поэтому представляется логичным вопрос: а действует ли сегодня в реальной жизни такой субъектный континуум как русская нация? Думаю, что на данный вопрос можно получить лишь отрицательный ответ. Об этом, например, косвенно свидетельствуют настойчивые и небезуспешные попытки нынешней власти с использованием административного ресурса, политтехнологов и официозных пропагандистов реконструировать имперскую общность «россиян» по образцу виртуального «советского народа».

Итак, нация, конечно, немислима без сложившегося гражданского общества. Более того, политически зрелое общественное сознание и вытекающая отсюда возможность (или, наоборот, невозможность) солидарной национальной самоорганизации зависит в существенной мере от уровня развития гражданственности. Критерием здесь, по-видимому, является наличие живой, достаточно многосложной структуры вертикальных и горизонтальных общественных связей. Полнокровная национальная жизнь невозможна без глубокой социализации отношений между личностями, группами и слоями, составляющими, а в идеале, и совместно созидающими подлинную, не мнимую, не виртуальную общность. Собственно говоря, нация есть зрелое гражданское общество. Достигая такого уровня, в будущем оно не застрянет на «буржуазном» (демократическом) транзите. В отдаленной перспективе любая из гражданских наций, развиваясь далее, по всей вероятности, должна стать обществом уже в собственном смысле этого слова, т. е. самостоятельным постбуржуазным социумом. Предпосылкой подобной трансформации является наличие эффективно действующей демократической институциональной альтернативы, отрицающей пресловутую имперскую «вертикаль власти». С той лишь разницей, что главный вектор непрерывно эволюционирующей структуры общественных институтов и социальных связей должен быть устремлен «снизу вверх» и «от периферии к центру».

ЛИТЕРАТУРА

1. Аузан А. А. «Колея» российской модернизации // *Общественные науки и современность*. — 2007. — № 6. — С. 54–60.
2. Бережной И. В., Вольчик В. В. Исследование экономической эволюции института власти-собственности. — М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2008.
3. Бочарников И. В. Национально-государственная политика России в дореволюционный период // *Человеческий капитал*. — 2017. — № 1. — С. 6–11.
4. Бринкман А. А. Неполномощные законы. К психологии русской исполнительной власти // *Полис. Политические исследования*. — 2006. — № 1. — С. 110–121.
5. Демидова Н. Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. — М.: Наука, 1987.
6. Должиков В. А. «Земщина» или «опричнина»: историческое противостояние двух генотипов отечественной государственности // *Политологические и этноконфессиональные исследования в регионах: материалы Всероссийской (с международным участием) научной конференции: в 2 т.* — Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2009. — Т. 1. — С. 290–302.
7. Ключевский В. О. Соч.: в 8 т. — М.: Госуд. изд-во полит. лит-ры, 1958. — Т. 4.
8. Михневич В. О. Кто выдумал Россию? // *Исторический вестник*. — 1899. — № 2. — С. 502–504.
9. Нуреев Р. М. Государство: исторические судьбы власти-собственности // *Материалы интернет-конференции «Поиск эффективных институтов для России XXI века»*. — URL: <http://www.ecsosman.edu.ru/db/msg/129880/> (дата обращения 15.12.2018).
10. Пайпс Р. Россия при старом режиме. — М.: Независимая газета, 1993.

11. Пивоваров Ю. С. Русская власть и публичная политика. Заметки историка о причинах неудачи демократического транзита // Полис. — 2006. — № 1 — С. 12–32.

12. Пушкарев Л. Н. Духовный мир русского крестьянина. По пословицам и поговоркам XVII — XVIII вв. — М.: Наука, 1994.

13. Широкопад А. Бояре Романовы в Великой смуте. — М.: АСТ; Владимир: ВКТ, 2010.

14. Янов А. Л. Тень Грозного царя. Загадки русской истории. — М.: КРУК, 1997.